

Целясь в идентичность: концепт вооруженного нарратива в пропагандистском дискурсе современных войн

Сергей Петрович Поцелуев^{1, 2}

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия,
spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Аннотация

Введение. Растущая роль информационно-пропагандистского пространства современных вооруженных конфликтов ставит вопрос о специфической роли в нем нарративов. С этим непосредственно связан вопрос о том, в какой мере роль нарративов в дискурсе войны оказывается не только на их смысловом содержании, но также на их структуре? И как эта морфологическая особенность нарративов, используемых в контексте войны, может быть выражена концептуально?

Цель. Обоснование того, что среди всех концептов политического нарратива, задействованных в анализе современного военно-пропагандистского дискурса, методологически наиболее перспективным представляется концепт вооруженного нарратива.

Методы. В качестве основного метода исследования автор применяет структурный подход к анализу политических нарративов, а также сравнительный анализ концептов, относящихся к дискурсу военно-политических конфликтов.

Результаты. В статье представлен критический анализ концептов политического нарратива в аспекте их соответствия дискурсивно-пропагандистской специфике современных войн. С опорой на опыт осмыслиения вооруженных нарративов в западных аналитических центрах автором описаны структурные особенности вооруженного нарратива, а также его функции в военно-пропагандистском дискурсе. На основе проведенного исследования в статье обосновывается перспективность концепта вооруженного нарратива, в частности, для анализа антироссийского пропагандистского дискурса.

Выводы. В статье обосновывается, что вооруженный нарратив, всегда направленный на идентичность противника и свою целевую аудиторию, склонен не к объективному анализу ситуации, а к продвижению ее субъективного толкования с целью вытеснения конкурирующих нарративов. Автор приходит к выводу, что в отличие от прочих понятий, выраждающих разновидности политических нарративов, концепт вооруженного нарратива позволяет наиболее точно выразить дискурсивную специфику современных военно-политических конфликтов.

Ключевые слова: политический нарратив, стратегический нарратив, военный нарратив, вооружённый нарратив, пропагандистский дискурс, нарративное утверждение, нарративная история, идентичность, российско-украинский конфликт, русская идентичность

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г., № государственной регистрации 125011200149-6. Тема: «Угрозы и риски социально-политической безопасности Южного макрорегиона в условиях военно-политической напряженности».

Для цитирования: Поцелуев С. П. Целясь в идентичность: концепт вооруженного нарратива в пропагандистском дискурсе современных войн // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 4. С. 201–209. EDN QXGGOM

Original article

Targeting identity: the concept of weaponized narrative in the propaganda discourse of modern wars

Sergey P. Potseluev¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia²Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia,
spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>**Abstract**

Introduction. The growing role of information and propaganda in contemporary armed conflicts raises the question of the specific role of narratives within it. Directly related to this is the question of to what extent does the role of narratives in war discourse influence not only their semantic content but also their structure? And how can this morphological feature of narratives used in war contexts be conceptually expressed?

Purpose. To substantiate the claim that, among all the varieties of political narrative used in the analysis of modern military propaganda discourse, the concept of armed narrative appears particularly promising methodologically.

Methods. As the primary research method, the author applies a structural approach to the analysis of political narratives, as well as a comparative analysis of concepts related to the discourse of military-political conflicts.

Results. This article presents a critical analysis of political narrative concepts in terms of their relevance to the discursive and propaganda specifics of modern warfare. Drawing on the experience of understanding armed narratives in Western think tanks, the author describes the structural features of armed narratives, as well as their functions in military propaganda discourse. Based on the research conducted, the article demonstrates the potential of the armed narrative concept, particularly for analyzing anti-Russian propaganda discourse.

Conclusions. The article substantiates that an armed narrative, always aimed at the identity of the enemy and its target audience, tends not to objectively analyze the situation, but to promote its subjective interpretation in order to displace competing narratives. The author concludes that, unlike other concepts expressing varieties of political narratives, the concept of armed narrative allows for the most accurate expression of the discursive specifics of modern military-political conflicts.

Keywords: political narrative, strategic narrative, military narrative, armed narrative, propaganda discourse, narrative assertion, narrative history, identity, Russia-Ukraine conflict, Russian identity

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, No. 125011200149-6. Topic: "Threats and risks to the socio-political security of the Southern macroregion in the context of military and political tension"

For citation: Potseluev S. P. Targeting identity: the concept of weaponized narrative in the propaganda discourse of modern wars. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2025;(4):201–209. (In Russ.). EDN QXGGOM

Введение

Тема нарративов уже давно не кажется продуктом рискованной экстраполяции утонченных литературоведческих сюжетов на прагматичные реалии политического дискурса. Сегодня можно говорить о перспективах *политической нарратологии* с учетом выделения нарратологии в отдельную научную дисциплину и концептуальных потребностей «нарративных политик» [1]. В частности, политологи используют нарративный анализ в качестве метода для изучения политических ценностей, транслируемых через масс-медиа и массовую культуру [2, с. 47]. Более того, нарративы в последние годы очень сильно интересуют специалистов по военной пропаганде, так что и здесь можно говорить о «нарративном повороте». За последние 10–15 лет на Западе возник целый ряд аналитических центров, исследующих роль нарративов в дискурсе современных военно-политических конфликтов. Это не должно казаться парадоксом: войны в наши дни ведутся и выигрываются/ проигрываются не только на поле боя, но также (причем не в меньшей мере) в сознании людей, а потому сама граница между военным и невоенным становится все более текучей.

Нарративы, так или иначе относящиеся к современным военно-политическим конфликтам, обозначают в зарубежных публикациях целым семейством семантически перекрывающихся терминов: «военный нарратив» (war narrative), «война нарративов» (war of narratives), «нarrативная война» (narrative war, narrative warfare), нарративные битвы (the narrative battles), «нarrативное оружие» (narrative weapon) «противоборствующие нарративы» (the dueling narratives), «стратегические нарративы», «вооруженные нарративы» (weaponized narrative) и т.п. Не все эти термины лежат в одной когнитивной плоскости; к примеру, выражение «война нарративов» – это, скорее, метафора, тогда как за «вооруженным нарративом» можно заподозрить концепт, отражающий формальную специфику конкретного вида нарративов.

Нас здесь будут интересовать именно концепты и конкретно концепт *вооруженного нарратива*.

История этого концепта восходит к теории «сетевых войн». По словам американских аналитиков Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта, «сети, как и другие формы организации, удерживаются вместе благодаря нарративам (narratives) или историям (stories), которые рассказывают люди»; более того, «принцип “чья история победит” является жизненно важным аспектом сетевых войн всех типов» [3, р. 328]. Конечно, под нарративом здесь подразумевалось нечто большее, чем лишь риторический прием для развлекательно-манипулятивных целей; речь идет об историях, которые выражают «чувство идентичности и сопричастности – кто такие “мы”, почему мы собрались вместе и что отличает нас от “них”» [3, р. 328]. Важно, что нарративы выражают это не абстрактными понятиями, а доступным для всех *ощущением* того, что является причинами и целями данного сообщества. Тем самым нарративы выступают неотъемлемым условием основания и сохранения сообществ как таковых.

Позднее эти тезисы американских аналитиков подкрепил своим авторитетом известный политолог Джозеф Най, заявивший, что хотя «традиционная мудрость гласит, что побеждает государство с самой большой армией, в информационную эпоху иногда может победить государство (или негосударственный субъект) с лучшей историей» [4, р. 2]. Сегодня это касается не только сетевых войн; в любой современной войне, — как замечает один канадский военный эксперт, — «командиры, разрабатывающие операции, должны понимать, что все чаще истории, которые распространяются об их действиях, влияют на гораздо большее число людей, чем платформы или вооружение, которыми они оснащены» [5, р. 8].

Целью данного исследования является уточнение концепта вооруженного нарратива с учетом его методологического потенциала для анализа когнитивных аспектов современных военно-политических конфликтов.

Теоретические основы исследования

Теоретической базой для исследования вооруженных нарративов выступает прежде всего понятие *политического нарратива*, близкими по смыслу разновидностями которого можно считать *стратегические, вооруженные и военные нарративы*.

В самом общем плане политический нарратив – это претендующий на истину рассказ о событиях, связанных в смысловом целое определенным сюжетом, в котором различают начало (заязку), середину (кульминацию) и конец (развязку). Можно предположить, что вооруженный нарратив усугубляет тенденцию к структурному упрощению литературоведческого понятия повествовательности, наблюдаемую уже в случае политического нарратива. Это объясняется тем, что дискурсивная функция политического нарратива задается властной стратегией продвижения претендующих на истинность смыслов в интересах конкретных политических акторов. Претензия на истинность (общезначимость) нарратива при его фактической связке с групповыми интересами делает неизбежным его манипулятивный характер, который должен быть, однако, тщательно скрыт.

Скрытие происходит за счет «овеществления» общей структуры повествования, где в литературоведческой традиции, вслед за русскими формалистами, различают, с одной стороны, фабулу и сюжет¹, а с другой, вслед за французским литературоведом Ж. Женеттом, – историю, повествование и наррацию². В политическом нарративе из этих аспектов повествовательности акцент делается на фабулу

¹ Согласно Б. В. Томашевскому, фабула — это «совокупность событий в их взаимной внутренней связи», а сюжет – «художественно построенное распределение событий в произведении» [6, с. 180-181].

² По Ж. Женетту, в нарративной реальности различаются три аспекта: текстуально выраженное повествование в собственном смысле, рассказ (récit); излагаемая в этом рассказе история, вымышленная либо реальная (histoire); наррация (narration) как коммуникативный акт, порождающий и сам рассказ, и его рецепцию аудиторией [7, с. 65].

(историю), которая смотрится неотягченной какими-то сюжетными условиями, «как-то сама собой упорядочена еще до текстуального изложения» и представлена в своей «блаженной ясности» широкой масс-медийной аудитории. На самом же деле, как верно было замечено, такая «самоупорядоченность» – кажущаяся, она возникает благодаря не замечаемой работе повествования, и «именно потому нарратив столь удобен для трансляции неявных идеологических сообщений»¹. Как форма «идеологически ответственного» дискурса, политический нарратив по определению претендует на истинность/правду, отвергая в этом пункте игривость и двусмысленность художественного вымысла.

Еще в большей мере это относится к *вооруженному* нарративу, который в определенном смысле должен быть прост как пуля. В этом состоит его общая черта с военным нарративом. В целом, вооруженный нарратив занимает как бы срединное положение между «стратегическим нарративом» и «военным нарративом» как двумя ключевыми понятиями, обычно используемыми при анализе военно-политического дискурса.

Стратегические нарративы в сравнении с нарративами вооруженными – это большее по объему понятие, описывающее отнюдь не только ситуации открытого, тем более военного конфликта. В этом духе определяют стратегический нарратив британский политолог Алистер Мискиммон с коллегами: как «инструмент, позволяющий политическим акторам расширять своё влияние, управлять ожиданиями и изменять дискурсивную среду, в которой они действуют» [8, р. 3]. Причем «стратегический нарратив существенно отличается от нарратива как такового, то есть некоей истории, рассказанной любым человеком, так как содержит элемент целенаправленного коммуникативного продвижения нарративного дискурса» [9, с. 54]. Стратегические нарративы (к примеру, в международной политике) могут работать на больших дистанциях, используя богатый репертуар дискурсивного воздействия; вооруженный же нарратив действует в условиях пропаганды как «войны идей против идей» посредством «прямого манипулирования социальным внушением» [10, с. 54–55]. В этом смысле вооруженный нарратив – это всегда дискурсивное оружие как «дискурс, которым специально овладевают для того, чтобы с его помощью сражаться с противниками или конкурентами и добиваться лучшей, чем у них, эффективности в своей деятельности» [11, с. 55–56]. В любой форме такой деятельности четко очерчен противник (конкурент, соперник, враг), который должен быть символически либо физически ослаблен (уничтожен) и тем самым побежден.

Однако, с другой стороны, под деятельностью здесь подразумевается не только война; это может быть идеологическая борьба или парламентские дебаты, то есть, любая форма противоборства². Этим вооруженный нарратив отличается от собственно *военного* нарратива, который можно толковать как «доказательство, призванное подкрепить вывод о том, что участие в войне, часто вдали от родной территории, является законным и правильным» [13, р. 215]. Вооруженный нарратив может задействоваться еще до начала открытого вооруженного столкновения, как элемент предваряющей его пропаганды.

Тем самым концепт вооруженного нарратива оказывается подходящим инструментом для исследования современных военно-политических конфликтов, которые в значительной мере разыгрываются в когнитивной сфере, а потому нередко начинаются раньше, а завершаются позже, чем их горячие полевые фазы.

Результаты и обсуждение

В 2017 г. американские эксперты Брэд Алленби и Джоэл Гарро, основатели инициативы «Вооруженный нарратив (Weaponized Narrativ)» в составе «Центра по изучению будущего войны» (США), организовали публикацию сборника статей, специально посвященного феномену «вооруженного нарратива» (Weaponized Narrative). Заметим, что авторы материалов этого сборника – не теоретики, а практики, представители вооруженных сил и органов безопасности. Тем интереснее наблюдать, как восходят они в своих рассуждениях от конкретных материальных их исходного ремесла к литературоведческим понятиям, политическим теориям и философским обобщениям.

Как отмечают эти американские эксперты, вооруженный нарратив можно использовать *тактически*, как часть явного военного или геополитического конфликта, и тогда он сближается по смыслу

¹ Зенкин С. Критика нарративного разума. Заметки о теории. 4. НЛО – Новое литературное обозрение. 2003. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/kritika-narrativnogo-razuma.html?ysclid=m7chinmfbm289059233> (дата обращения 14.10.2025).

² Сходным образом в зарубежной литературе говорят, к примеру, об использовании «теорий заговора» в качестве «дискурсивного оружия» (discursive weapon) для делегитимации своих оппонентов [12, р. 8].

с тем, что выше было обозначено *военным нарративом*. Но вооруженный нарратив может задействоваться и *стратегически*, как способ ослабить, нейтрализовать и в конечном счете победить какую-то организацию, государство или целую цивилизацию [14, с. 5–6]. В этом случае он оказывается разновидностью *стратегического нарратива* в упомянутой выше трактовке.

Однако в любом формате своего использования вооруженный нарратив (в отличие от прочих разновидностей политических и даже стратегических¹ нарративов) нацелен на идентичность своего оппонента (врага, конкурента).

Здесь можно сослаться на мнение опытного американского эксперта по военным нарративам Пола Кобо. Он тоже бывший контрразведчик, а ныне – консультант в американском мозговом центре «Narrative Strategies», специализирующемся на некинетических аспектах конфликтов. По словам П. Кобо, наиболее веская причина мощного влияния нарратива на сознание и поведение людей состоит в том, что нарратив – это прежде всего про идентичность и смысл, а не про истину. «Когда нарратив используется по всем правилам искусства и науки, он вызывает предсказуемое поведение, основанное на идентичности целевой аудитории»².

С учетом этого принципиального момента Кобо дает одно из самых удачных, на наш взгляд, определений вооруженного нарратива. Для него это «особый тип повествования, который предназначен для заполнения когнитивного пространства, специально нацеленного на уязвимости противника путем установления “смысла, а не фактов”; который запускает поведение, поддерживает инициативу и вытесняет конкурирующие нарративы. После того как такой нарратив создан, противостоять ему без убедительного собственного нарратива очень сложно»³.

Максимально прагматическая функция вооруженного нарратива отражается на его структуре. Такой нарратив не может содержать внутри себя неоднозначной трактовки персонажей, их месседжей, потому что идеологический посыл должен быть четкий и однозначный, как армейская команда. Но, с другой стороны, и простой командой или скучной схемой такой нарратив тоже быть не должен, иначе он не будет эмоционально цеплять целевую аудиторию и подвигать ее к действию. Поэтому в вооруженном нарративе особенно важным оказывается различие между нарративным утверждением (суждением, тезисом), выражющим идейную суть всего нарратива, его идеологическую «начинку», и эмоционально заряженными историями, которые в нем рассказываются. Эти истории, как правило, носят характер личного биографического опыта (взгляд на «большие события» из перспективы «обычного человека»).

На это различие между главным нарративным суждением (*narrative*) и историей (*story*) в свое время обратил внимание американский политолог Пол Шам, заметивший, что «нарратив – это один из аспектов истории, но сам по себе он редко является историей, ... и когда между ними возникают разногласия, обычно побеждает нарратив»⁴. Разумеется, для целевой аудитории нарратива это выглядит победой жизненной правды, поэтому-то П. Шам и называет нарративы «политическими фактами». Они могут вообще не отражать действительность, но «это истории, за которые люди готовы умирать»⁵.

Нарративное утверждение – это история, максимально выхолощенная до стереотипного выискивания, в которой уже не различить событий и героев. Именно в таком духе определяют вооруженные нарративы Сьюзен Уолдмен и Шон Гавел, медиа-эксперты из министерства обороны Канады. Для них вооруженные нарративы есть «форма утверждений (*claims*) касательно *тем* («вакцины вреднее, чем болезни, от которых они защищают») или *событий* («COVID-19 создали в лаборатории»)» [16, р. 115].

¹ Исследователи стратегических нарративов в сфере международных отношений выделяют три типа таких нарративов, куда относят нарративы *системы, идентичности и проблемы* (*system, identity, and issue narratives*). Системные нарративы описывают устройство мира, его игроков и правила, нарративы идентичности излагают истории конкретного политического субъекта, его ценности и цели, тогда как нарративы проблемы описывают, в чем заключается конкретный политический конфликт, каких акторов он касается, каковы стратегии его разрешения [15, р. 8].

² Cobaugh P. A Five Point Strategy to Oppose Russian Narrative Warfare Some critical lessons for the US national security community. *Truth About Threats*. 20.07.2023. Available from: <https://www.truthaboutthreats.com/p/a-five-point-strategy-to-oppose-russian> (accessed: 20.10.2025)

³ Ibid.

⁴ Scham P. Dueling Narratives, Shared Histories. *The Third Narrative*. 20.04.2023. Available from: <https://thirdnarrative.org/narratives/> (accessed: 20.10.2025)

⁵ Ibid.

Но такое нарративное утверждение – это только «поражающая часть» вооруженного нарратива как дискурсивного оружия. А она требует «носителя», в роли которого выступает многоступенчатая структура историй и субнарративов. Уолдмен и Гавел показывают, что между главным утверждением нарратива и его историями располагается целый ряд посредствующих звеньев.

Это рисуется ими в виде нарративной пирамиды, основанием которой выступает отдельные факты как сырой материал исторической хроники, из которых потом собирают историю как сообщение о реальном или предполагаемом событии, далее эта история подтягивается под «нарратив инцидента» (тезис, касающийся уже ряда событий), отсюда дальше поднимаются к «нарративу темы» – нарративному суждению, касающемуся связанной с событиями социальной группы, исторического места и целей ее действия, потом к главному/стратегическому нарративу темы, т.е. тезису, выраженному судьбу, исторические перспективы этой социальной группы; наконец, вершину этой нарративной пирамиды образует «стратегическая повестка» как вовлеченность использующего нарративы социального актора в актуальное политическое соперничество [16, р. 115].

«Вооруженный» статус нарратива придает по-боевому четкий вид и структуре историй, в которых раскрывается смысл нарративного суждения. В литературе по-разному обозначают элементы этих историй. Каждая история, по словам Дэниела Бернарди, профессора кинематографии (а в прошлом – разведчика и офицера по связям с общественностью ВМС США), должна иметь следующие четыре элемента: время (последовательность событий и действий), пространство (обстановку), презентации (персонажи) и риторику (передачу идеи) [17, р. 171]. Так представленная структура истории еще несет на себе отпечаток литературоведческой традиции, а вот перечень из элементов истории как части вооруженного нарратива, предложенный Уолдмен и Гавелом, уже явно заточен на пропагандистскую войну: «Сюжет, помещающий нарратив в пьесу и предопределяющий развитие событий – штиль перед бурей или тьма перед рассветом; Архетипы – шаблонные, структурно противоположные персонажи действия; Образность (Imagery), делающая ситуацию осязаемой для аудитории; и Ценности (Values), которые реально укрепляют или защищают» [16, р. 117]. Канадские эксперты идут еще дальше в упрощении структуры истории, отмечая в ней редукцию сюжетных типов до комедии и романа, что соответствует простой логике военной пропаганды: «сохранение в целом хорошей ситуации, несмотря на шероховатости, и превращение в целом плохой ситуации в хорошую путём радикального очищения» [16, р. 117].

В любом случае, вооруженный нарратив – это прежде всего идеологическая начинка как некое утверждение, непротиворечиво развернутое посредством историй, часто проговариваемое в них открытым текстом голосом за кадром либо каким-то героям истории, как личное, эмоционально окрашенное мнение. Это суждение прямо нацелено на идентичность противника. И если посредством нарративов – как замечают упомянутые американские эксперты Алленби и Гарро – удается критически ослабить идентичность противника, «это ограничивает или даже устраняет необходимость в вооруженной силе для достижения политических и военных целей» [14, р. 6]. Отсюда понятно, почему любой вооруженный нарратив, а не только его военная разновидность, «создается до начала военных действий, чтобы понять причины, ставки, природу конфликта и желаемое конечное состояние, а также обеспечить легитимность и поддержку планируемого военного вмешательства» [13, р. 219].

Эту природу вооруженного нарратива как дискурсивного оружия, изготавливаемого, как и любое вооружение, еще в преддверии готовящегося конфликта, необходимо иметь в виду и в случае актуального военно-политического конфликта на Украине. Общий анализ украинской антисирийской пропаганды показывает, что она продвигает образ России как извечного экзистенциального врага не только «украинской политической нации», но также Европы и всего «свободного мира». Этот образ выходит далеко за пределы негативной оценки нынешнего руководства и государственного строя РФ; здесь настойчиво проводится мысль о том, что проблема современной России – это не столько ее руководители, сколько сам русский народ с его «травмированным сознанием» в «краненой империи», потерянный в историческом времени и пространстве, не видящий ни своей перспективы, ни своих корней. Эта империя якобы существует в головах миллионов россиян, определяя их мессианское стремление «диктовать миру свою правду», верить своему «гибридному православию» и рабски поддерживать своих «авторитарных вождей». Одним словом, здесь, многократно повторяясь в разных вариациях, внушается стратегический нарративный тезис: агрессивен и преступен сам русский/российский менталитет, освященный и воспитанный русской культурой.

Кажется странным, что столь откровенно русофобские сентенции украинской пропаганды предлагаются русской и русскоязычной аудитории. Однако с точки зрения стратегического тезиса вооруженного нарратива, который эта пропаганда реализует, парадокса здесь нет. Ведь данный тезис пытается внушить русским комплекс культурной неполноты, конечным эффектом которого должен стать спокойный отказ населения РФ от статуса россиян и русских в пользу региональных идентичностей некоей «пост-России» как заветной мечты противников РФ. Таким образом, конечной целью вооруженных антироссийских нарративов украинской (и западной в целом) пропаганды выступают российская общегражданская и русская этническая идентичности. Им вообще отказывается в историческом праве на существование. Это послание адресовано и жителям Новороссии, которым десятилетиями внушалось, что весь смысл их политической жизни – из русскоязычных «недоукраинцев» стать, наконец, украинцами «настоящими».

Заключение

Проведенное нами уточнение концепта вооруженного нарратива позволяет зафиксировать следующие принципиальные моменты его содержания:

- В отличие от стратегического и военного нарративов, вооруженный нарратив есть вид дискурсивного оружия, в наибольшей мере отвечающий специфике современных военно-политических конфликтов с учетом растущей роли в них когнитивной составляющей и релятивизации различия между военными и невоенными практиками.
- Использование вооруженного нарратива (в любом его формате) нацелено на ослабление (модификацию, уничтожение) идентичности противника, а также на манипуляции с идентичностью целевой аудитории, способные вызвать ее предсказуемое поведение. В этой функции концепт вооруженного нарратива оказывается методологически востребованным в анализе дискурсивных стратегий «отмены русского» в антироссийской украинской пропаганде.
- Вооруженный нарратив направлен не на объективное исследование проблем, а на продвижение (внушение) смыслов их субъективного толкования; не на диалогическое взаимодействие с нарративами других акторов, а на их вытеснение из дискурсивного пространства; не на обсуждение вопросов, а на действие по наличному алгоритму их решения.
- Прагматическая функция вооруженного нарратива выражается в его четкой структуре, где главное нарративное суждение, выражающее недвусмыслиенный пропагандистский мессидж, отличается от развертывающих его смысл биографических историй, с которыми может эмоционально идентифицироваться целевая аудитория. Сверх того, это предполагает четкий набор структурных элементов нарративной истории и ограничение ее жанрового разнообразия логикой вооруженной борьбы.

Список источников

1. Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. 2025. № 2. С. 18–40. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>
2. Помигуев И.А., Прокопчук Т.Л., Кошкин А.В. Возможности метода нарративного анализа, или Как искать политические ценности в российском кино? // Политическая наука. 2024. № 4. С. 45–65. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.02>. EDN: QPTLIW
3. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The future of terror, crime, and militancy. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2001. 352 p.
4. Nye J.S. The Future of American Power: Dominance and Decline in Perspective // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. № 6. P. 2-12.
5. Dobias P. Hybrid Warfare and the Need for Intermediate Force Capabilities // Connections QJ. 2022. Vol. 21. № 2. P. 5-9. DOI: 10.11610/Connections.21.2.00
6. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. Пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
7. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
8. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Strategic narratives: Communication power and the new world order. New York: Routledge, 2013. 240 p.

9. Подшибякина Т.А. Стратегические нарративы как политический ресурс мягкой силы: "Бессмертный полк" на страже интересов России // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15. № 3. С. 52–59. EDN: DXONMS. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-3-52-59>.
10. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. В. Г. Николаева. М.: ИИОН РАН, 2021. 237 с.
11. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование России в современных западных СМИ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1. С. 50-59. EDN: YXHUDI
12. Bergmann E. Weaponizing conspiracy theories. New York: Routledge, 2025. 123 p.
13. Kvernbeck T., Bøe-Hansen O. Chapter 12. How to Win Wars: The Role of the War Narrative // Narration as Argument, ed. Paula Olmos. Cham: Springer International Publishing. 2017. P. 215–234. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56883-6_12
14. Allenby B., Garreau J. Weaponized Narrative Is the New Battlespace: And the U.S. is in the unaccustomed position of being seriously behind its adversaries // Weaponized Narrative: The New Battlespace / Allenby B., Garreau J. (eds.). Washington, D.C.: Weaponized Narrative Initiative, Center on the Future of War, March 21, 2017. P. 5–9.
15. Forging the World: Strategic Narratives and International Relations / Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. (eds.). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2017. 340 p.
16. Waldman S., Havel S. Launching Narrative into the Information Battlefield // Connections QJ. 2022. Vol. 21. № 2. P. 111–122. DOI: 10.11610/Connections.21.2.08
17. Bernardi D. et al. Narrative Landmines: Rumors, Islamist Extremism, and the Struggle for Strategic Influence. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2012. 220 p.

References

1. Soloviev A.I. Narratives in the area of power. The possibilities and limits of narrative politics. *Political science*. 2025;2:18–40. <https://doi.org/10.31249/poln/2025.02.01> (In Russ.)
2. Pomiguev I.A., Prokopchuk T.L., Koskin A.V. The potential of the narrative analysis method, or how to identify political values in Russian cinema. *Political science*. 2024;4:45–65. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.02> EDN: QPTLIW (In Russ.)
3. Arquilla J., Ronfeldt D. *Networks and Netwars: The future of terror, crime, and militancy*. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2001. 352 p.
4. Nye J.S. The Future of American Power: Dominance and Decline in Perspective. Foreign Affairs. 2010;89(6):2-12.
5. Dobias P. Hybrid Warfare and the Need for Intermediate Force Capabilities. *Connections QJ*. 2022;21(2):5-9. <https://doi.org/10.11610/Connections.21.2.00>
6. Tomashevsky B.V. *Theory of literature. Poetics: Textbook. Manual*. Moscow: Aspect Press; 1996. 334 p. (In Russ.)
7. Genette G. *Figures*. Moscow: Sabashnikov publishing house; 1998. Vol. 2. 944 p. (In Russ.)
8. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. *Strategic narratives: Communication power and the new world order*. New York: Routledge; 2013. 240 p.
9. Podshibyakina T.A. Strategic narratives as a soft power political resource: the immortal regiment on guard of the interests of Russia. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2021;15(3):52–59. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-3-52-59>. EDN: DXONMS (In Russ.)
10. Lasswell H.D. *Propaganda technique in World War*. Translation from English by V. G. Nikolaev. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2021. 237 p. (In Russ.)
11. Plotnikova S.N. Discursive Construction of Russia in Modern Western Massmedia. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2018;1:50-59. EDN: YXHUDI (In Russ.)
12. Bergmann E. *Weaponizing conspiracy theories*. New York: Routledge; 2025. 123 p.
13. Kvernbeck T., Bøe-Hansen O. Chapter 12. How to Win Wars: The Role of the War Narrative. *Narration as Argument*. Olmos P. (ed.). Cham: Springer International Publishing; 2017:215–234. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56883-6_12

14. Allenby B., Garreau J. Weaponized Narrative Is the New Battlespace: And the U.S. is in the unaccustomed position of being seriously behind its adversaries. *Weaponized Narrative: The New Battlespace*. Allenby B., Garreau J. (eds.). Washington, D.C.: Weaponized Narrative Initiative, Center on the Future of War, March 21, 2017:5–9.
15. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. (eds.). *Forging the World: Strategic Narratives and International Relations* / Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2017. 340 p.
16. Waldman S., Havel S. Launching Narrative into the Information Battlefield. *Connections QJ*. 2022;21(2):111–122. <https://doi.org/10.11610/Connections.21.2.08>
17. Bernardi D. et al. *Narrative Landmines: Rumors, Islamist Extremism, and the Struggle for Strategic Influence*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press; 2012. 220 p.

Информация об авторе

С. П. Поцелуев – доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет; главный научный сотрудник Лаборатории политологии и права, Южный научный центр Российской академии наук.

Information about the author

S. P. Potseluev – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University; Chief Researcher, Laboratory of Political Science and Law, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 26.11.2025.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 26.11.2025.